

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Л. А. ВАСИЛЬЕВОЙ
«ПРИЧУДЫ ЛЮБВИ. ЖИЗНЬ И ПОЭЗИЯ МИРА ТАКИ МИРА»
(М.: ИВ РАН, 2023. 263 с.)**

Е. Ю. Ванина¹

Рецензия на монографию, посвященную творчеству великого поэта урду Мира Таки Мира (1723–1810) и реконструирующую историческую обстановку, в которой он творил, его биографию, мировосприятие, специфику поэтического языка, а также восприятие творений Мира современниками и потомками.

Ключевые слова: Мир Таки Мир, литература урду, газель, маснави, мирийат, бейт

Для цитирования: Ванина Е. Ю. Рецензия на монографию Л.А. Васильевой «Причуды любви. Жизнь и поэзия Мира Таки Мира» (М.: ИВ РАН, 2023. 263 с.). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 4. С. 162–164. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-162-164

**REVIEW OF “WHIMS OF LOVE. LIFE AND POETRY OF MIR TAQI MIR”
BY L. A. VASILYEVA (MOSCOW: IOS RAS, 2023, 263 p.)**

E. Yu. Vanina

Review of the book that explores the works of the great Urdu poet Mir Taqi Mir (1723–1810) and reconstructs the historical surroundings, biography, worldview, specificities of poetical language, as well as the perception of Mir's poetry by his contemporaries and the succeeding generations.

Keywords: Mir Taqi Mir, Urdu literature, ghazal, mathnawi, miriyat, beyt

For citation: Vanina E. Yu. Review of “Whims of Love. Life and Poetry of Mir Taqi Mir” by L. A. Vasilyeva (Moscow: IOS RAS, 2023. 263 p.). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN.* 2024. No. 4. Pp. 162–164. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-162-164

Эта книга в равной степени интересна и историкам, и филологам. Автору удалось в полной мере совместить «жизнь», то есть жизнеописание поэта на фоне исторических событий, и «поэзию», т. е. анализ творчества. Считается, что газель — жанр, в котором важны скрытые смыслы, аллюзии, игра слов, метафоры: все, что угодно, только не реальная жизнь поэта и общества, к которому он принадлежал. Попытка «приземлить» газель, ассоциировать ее с реальностью чревата для исследователя опасностью впасть в грубый социологизм и грубый

---

¹ Ванина Евгения Юрьевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; eug.vanina@gmail.com

Eugenia Yu. Vanina, DSc (Hist.), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; eug.vanina@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7992-3013

историзм, превратить поэзию, которой столетиями восхищаются миллионы людей, в излияния бездельников — эротоманов и пьяниц (так и на самом деле оценивали классиков урду некоторые чересчур рьяные обличители «старой» поэзии во славу «новой», «естественной»²). Л. А. Васильева счастливо избежала такой опасности. Она подробно рассказывает об эпохе Мира и его окружении потому, что именно на этой почве сформировался поэт, не ищет прямых исторических и социальных мотивов, но с успехом позволяет читателю услышать и голос эпохи, и воззрения великого поэта.

Эпоху эту долгое время зарубежные и отечественные исследователи однозначно рассматривали как мрачное и страшное время всеобщей деградации, когда после распада империи Великих Моголов возникшие на ее обломках государства повели нескончаемые войны между собой, в которые тотчас же вмешались европейцы, открывшие, при деятельной помощи эгоистичной туземной знати, путь к колониальному порабощению страны. Согласно этой концепции, погибла не только великая империя, но и ее культура, так что, по ставшему классическим высказыванию крупнейшего индийского историка, «индийского Ранке» Джадунатха Саркара (1870–1958), «...индо-персидская цивилизация, выросшая под сенью делийских падишахов, и новая индусская культура, развившаяся при *пешвах*³, были обе мертвы к концу XVIII в. Их позитивная энергия умерла, их безжизненные трупы разлагались, распространяя гниение по всей стране...» [Sarkar, 1950, v. IV, p. 347–348]. И только с конца XX в. этот стереотип стали пересматривать как историки⁴, так и филологи, начавшие активно исследовать и переводить ту самую литературу XVIII в., и прежде всего — на урду, которую прежде считали «упаднической». Л. А. Васильева — филолог, но ее труд предоставляет историкам обильную пищу для размышлений, ибо, с одной стороны, поэзия и автобиографическое сочинение Мира наполнены реалиями и настроениями всеобщего упадка, кризиса старых порядков, разрушения привычного образа жизни, но с другой — демонстрируют не «безжизненные трупы», а живое общество, в котором развивалась культура и активно осмысливались явления окружающего мира.

Большой удачей автора является предпринятая в монографии реконструкция черт характера Мира, исследование его поэзии как личностной, несмотря на все традиции и догмы газельного самовыражения. Лирический герой и его возлюбленная — обязательные элементы лирики на урду, но автор убедительно показывает, насколько гений поэта и неординарность его характера взламывают панцирь поэтической рутины, обнажая живое, трепещущее чувство и подлинный чувственный опыт. Л. А. Васильева филигранно разбирает выразительные средства, позволявшие Миру, подлинному виртуозу языка, проявить одновременно верность традиции и удивительное новаторство, аристократизм и демократизм, позволившие поэту навеки остаться для любящих стихи на урду близким человеком, добрым знакомым, просто «Миром-сахибом». Не будучи литературоведом, я всегда с опаской относилась к анализу средств поэтического выражения, но здесь с интересом читала, как автор пытается раскрыть секрет великой «простоты» языка прославленного поэта; за нее Мира, как и Пушкина, критиковали, но именно умение выразить сложность чувств и мыслей языком обычного человека и делало поэзию обоих гениальной. Особое внимание исследовательница уделяет звучанию, звуковой технике, музыке стихов Мира: ведь, согласно культурной традиции субконтинента, их не столько читали, сколько декламировали особым распевным образом и слушали на поэтических собраниях — *мушаирах* или просто в компании ценителей.

Важно, что в монографии Мир показан глазами современников и потомков. В последнее время, анализируя произведения литературы, изобразительного и других искусств, исследователи

² См. подробнее [Васильева, 1997].

³ *Пешвы* — династия правителей Маратхской конфедерации.

⁴ См., например, [Washbrook, 2001; Alavi, 2002; Marshall, 2003].

все чаще затрагивают проблемы восприятия того или иного шедевра, те социальные и эстетические смыслы, которые в него вкладывает аудитория — при жизни творца и в последующие времена; причем нередко эти смыслы далеки от замысла самого автора, а подходы его современников и потомков во многих случаях кардинально различаются. Л. А. Васильева вписала Мира в историю литературы урду и убедительно показала, какой отклик имела и до сего дня имеет его поэзия в среде как литературоведов, так и читающей публики. Книга раскрывает перед читателем не только Мира, но и «миристику» (такой термин я сочинила по аналогии с «пушкинистикой»). Одни исследователи видят поэзию Мира пессимистической, трагической, исполненной личной и вселенской боли, другие находят в ней дерзкий и амбициозный нрав, гордость (и вполне обоснованную) своим талантом, насмешливость, чувственность... Как многие литературные гении, Мир любим, почитаем, но недостаточно известен и мало понят.

Автору не удалось разрешить все загадки, связанные с жизнью и творчеством Мира, но это и невозможно, как и в случае с любым великим поэтом. Зато удалось написать яркую и оригинальную книгу, раскрывающую важнейший пласт литературы и, шире, культуры Южной Азии.

Литература / References

- Alavi S. (ed.). *The Eighteenth Century in India*. Delhi, 2002.
- Marshall P. (ed.). *The Eighteenth Century in India: Evolution or Revolution*. Delhi, 2003.
- Sarkar J. *Fall of the Mughal Empire*. Vol. I–IV. Calcutta, 1950.
- Washbrook D. Eighteenth Century Issues in South Asia. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2001. Vol. 44. No. 3. Pp. 372–383.
- Васильева Л. А. *Благонравный мятежник. Алтаф Хусейн Хали — поэт-просветитель мусульманской Индии конца XIX — начала XX в.* М., 1997 [Vasilyeva L. A. *The Well-Behaved Rebel. Altaf Husain Hali, an Enlightener Poet of the Muslim India, End of the Nineteenth — Beginning of the Twentieth Century*. Moscow, 1997 (in Russian)].